

Павел Иванович Мельников-Печерский

Старина

Павел Мельников-Печерский

Старина

«Public Domain»

Мельников-Печерский П. И.

Старина / П. И. Мельников-Печерский — «Public Domain»,

«Мне бы хотелось познакомить теперь читателя со старухой, сгорбленной тяжестью ста пятнадцати лет. Она уже никуда не выезжала, когда мы переселились к бабушке, но я попала случайно в ее дом с одной из моих теток и видела эту живую развалину. Вряд ли читатель представляет себе иначе сказочных колдуний. Бледные ее губы были сжаты; серые глаза, лишённые зрения, но открытые, блуждали без цели; бесчисленные морщины покрывали пожелтевшее лицо, на костлявых пальцах блестели драгоценные перстни, и стриженные седые волосы торчали из-под высокого чепца...»

© Мельников-Печерский П. И.

© Public Domain

Павел Мельников-Печерский

Старина

Мне бы хотелось познакомить теперь читателя со старухой, сторбленной тяжестью ста пятнадцати лет. Она уже никуда не выезжала, когда мы переселились к бабушке, но я попала случайно в ее дом с одной из моих теток и видела эту живую развалину. Вряд ли читатель представляет себе иначе сказочных колдуний. Бледные ее губы были сжаты; серые глаза, лишенные зренья, но открытые, блуждали без цели; бесчисленные морщины покрывали пожелтевшее лицо, на костлявых пальцах блестели драгоценные перстни, и стриженные седые волосы торчали из-под высокого чепца. Она осталась верна модам своей молодости и носила всегда широкую юбку, обшитую оборками, кофту и башмаки на каблуках. Я слышала много подробных рассказов о ней. Лишь в последние восемь лет своей жизни она впала в детство. Но до тех пор она сохраняла непреклонный характер и самую счастливую память.

Вера Александровна Ш*, так звали мою героиню, любила говорить о крестной своей матери, императрице Анне Иоанновне, о Бироне и о Волынском, которых хорошо помнила. Странно действовали на ее слушателей слова: «Я подошла к государыне Анне Иоанновне», или: «Артемий Петрович поцеловал меня». До сих пор хранится еще в ее семействе великолепная брошка, подаренная ей на зубок крестной матерью. На огромном изумруде, окруженном бриллиантами, изображен резцом художника профиль одного из римских цезарей. Все прочие дорогие вещи, накопившиеся в сундуках Веры Александровны в продолжение стольких десятков лет, были разграблены в последние годы ее жизни. В особенности помнила она Бирона и его жену и толковала часто о них. Она рассказывала, между прочим, что к герцогине являлись обыкновенно просители, не смевшие обратиться прямо к ее мужу. Летом она их принимала в саду, где проводила целое утро у пруда с удочкой в руках, между тем как ее окружали, стоя за ней целою толпою, напудренные мужчины и дамы и восторгались каждой ее победой над щукой или карасем. Как скоро явится, бывало, проситель, она прикажет ему подойти и нагнуться к себе. Тогда она выберет из золотой лоханки, в которую рыб опускали, одну из пойманных ею рыб, возьмет ее за хвост и изо всей силы ударит ею просителя по щеке. Если тот выносил бодро и не двигаясь с места светлейшую шутку, «gut!» – скажет герцогиня, смеясь, и примет прошение. Но иному придется не по душе игривость дикого самовластия, и он невольным движением попятится назад. Такое вольнодумство не нравилось герцогине: она хмурила брови, прибавляя недовольным тоном: «Ah, er widersetzt sich!» – и указывала просителю красноречивым движением руки, чтоб он удалился. Мать моей героини, Анна Ивановна Ч*, была любимую фрейлиной Анны Иоанновны, жила с ней в Курляндии и, по возвращении в Россию, поселилась в ее дворце, где вышла за Александра Ивановича Ш. и родила единственную дочь.

Незадолго до кончины императрицы девочка чуть не сделалась жертвой страшного случая, который имел влияние на всю ее жизнь. Ей было тогда восемь лет. После непродолжительной болезни она, впала в летаргический сон, и ее сочли умершей. Она чувствовала и живо помнила, как ее одели в праздничное платье и положили на стол. Государыня вошла в ее комнату, чтоб проститься с крестницей. Вера Александровна чувствовала, как губы крестной матери коснулись ее лба, слышала, как она выражала свое сожаление о ее смерти. Пришел и Бирон и отдавал какие-то приказания на ломаном русском языке. Слух ее был также поражен рыданием отца и довольно равнодушным голосом матери. Девочка имела уже полное понятие о смерти и сознавала с ужасом, что ее ожидает. Она делала невероятные усилия, чтоб вскрикнуть или шевельнуться, но голос словно замер в ее груди, и отяжелевшие члены ей не повиновались. Она ожидала с неописанным страхом, что вот-вот ее положат в тесный гроб, закроют его тяжелой крышкой и опустят в могилу, и сердце ее замирало... Наконец она стала чувствовать, что

приходит немного в себя, и приподняла с усилием веки. У ее ног стоял отец и горько плакал. Она пролепетала что-то невнятно... Он бросился к ней и схватил ее на руки.

По мере того, как она стала оправляться, малейшие подробности страшного события приходили ей на ум, и она вспомнила скорбь отца и невозмутимое спокойствие, с которым мать переносила мысль о ее потере, вспомнила, что, открывши глаза, она не видела матери, между тем как отец обливал слезами ее ноги, и она привязалась к отцу и отделилась от матери.

Александр Иванович занимался сам воспитанием дочери и передал ей многие из своих понятий и даже чувств. Он был другом Миниха и питал личную ненависть к Бирону, и Вера Александровна говорила всегда с глубоким отвращением о временщике, вменяла ему в одинаковое почти преступление его жестокость и его плебейское происхождение и смеялась немилосердно над мещанским чванством, внушившим ему мысль считаться родством с знаменитым во Франции семейством Вигон и присвоить себе его герб. День падения регентства был одним из светлых дней в жизни Александра Ивановича, но скоро настал новый переворот.

Миних, прозванный «Соколом» в народе, чуть не сложил на плахе свою седую голову и отправился в Пелым, где поселился в доме, недавно выстроенном, по его приказанию, для Бирона. Не был пощажён ни один из главных приверженцев правительницы. Александр Иванович ждал со страхом решения своей участи, но его спасло влияние родственников-однофамильцев, которые уже пользовались расположением Елизаветы и помогли ей сесть на отцовский престол.

Он страстно любил свою дочь, но держал ее строго. По его понятиям, женщина, воспитанная в благочестивых правилах, должна была избегать рассеянной жизни и «ассамблей», и Вера Александровна лишь изредка и не иначе, как по желанию императрицы, являлась на дворцовые пирушки. Театр не был еще основан, но устраивались иногда домашние спектакли, и Елизавета уговорила Александра Ивановича повезти молодую девушку на представление «Синава и Трувора», пьесы, которую давали, кажется, в кадетском корпусе. По рассказам, доходившим до нее, Вера Александровна не могла никак составить себе ясного понятия о театре, и сердце ее сильно билось от любопытства и нетерпения, пока она подвязывала свои фижмы и наклеивала мушки, чтоб ехать с отцом в кадетский корпус. Действительность превзошла все ее ожидания. «Синав и Трувор» ознакомили ее с совершенно новым миром. До самой глубокой старости она не могла забыть впечатления, вынесенного ею из этого представления. Она нашла такое величие в игре актеров, в их костюмах, в их декламации, что долго не могла ни говорить ни думать ни о чем другом, и варяжские князья нередко являлись ей во сне.

Однако отец, желая ее удалить от светских удовольствий, требовал от нее серьезных занятий. Короткая его связь с Иваном Ивановичем Шуваловым и знакомство с Ломоносовым научили его глубоко уважать науку. Он ввел молодую девушку в их кружок, но, к сожалению, об ее знакомстве с ними не сохранилось в ее семействе никаких подробных воспоминаний. Рассказывают только, что она говорила о них с восторгом, и что Ломоносов единственный человек, которому аристократка прощала его плебейское происхождение. Но, несмотря на все свое уважение к Шувалову, она упрекала его однако в том, что он не принес России всей пользы, которую мог бы принести ей при своем влиянии. «Он основал университет, да молится на него, – говорила она. – Основание университета, точно, великое дело, да университета не довольно. Умели же Долгорукие убедить императрицу Анну, в чем хотели; а Иван Иванович чего смотрел?»

Сумарокова она не любила, несмотря на светлые минуты, которыми была обязана, как автору «Синава и Трувора», и называла его обыкновенно скоморохом и шутом.

Она изучила в молодости французскую литературу и даже древних классиков и пристрастилась к честной и строгой личности д'Аламбера, между тем как говорила с презрением о продажном пере Вольтера. Екатерине II она не прощала ее переписки с ним. Когда Дидро явился в Петербург в 1773 г., Вера Александровна познакомилась с ним, виделась часто, но

она никогда о нем не говорила и прерывала разговор, как скоро его имя произносили в ее присутствии. Ознакомил ли он сердце сорокалетней женщины с нежным чувством, которому она была до этой минуты чужда, умел ли он поколебать хоть мгновенно строгость ее религиозных убеждений, это неизвестно; но все, знавшие ее коротко, останавливались часто на этих предположениях, потому что в том и другом случае ее оскорбленная гордость наполнила бы горечью воспоминания ее о Дидро. Как бы то ни было, сношения ее с ним остались для всех непроницаемою тайной.

Она была еще очень молода, когда начала вести свои записки, и занималась ими в продолжение многих десятков лет. Но любопытный документ погиб. В последние годы своей жизни, впадши уже в совершенное детство, она собрала свои письма и манускрипты и изрезала их на куски, говоря, что кроит из них ассигнации, и, к несчастью, никто из окружавших ее не позаботился о том, чтоб спасти драгоценные бумаги.

Ей было уже лет пятнадцать, когда родился у нее брат, однако юна осталась по-прежнему любимицей отца. Все семейство было тогда обласкано двором, и Вера Александровна рассказывала, что многие из царедворцев ухаживали за ребенком, в котором надеялись приобрести себе будущего покровителя. Один из них, между прочим, нянчил его всегда на руках и называл своим «рублевиком».

Но вдруг явилось при дворе новое лицо, которое обратило на себя общее внимание: имя графа Алексея Григорьевича Разумовского скоро прогремело по всей России. Придворные рассказывали шепотом, что не одно только чувство уважения заставило императрицу приблизить его к себе, и наконец стали поговаривать о том, что он обменялся венчальным кольцом с дочерью Петра. Неизвестно, почему Александр Иванович не полюбился Разумовскому, но вследствие своей размолвки с графом он решился удалиться от двора и переехать в Москву.

Недолго жил он здесь. Вере Александровне было двадцать три года, когда она закрыла ему глаза. Он был ее единственною горячею привязанностью: горько оплакивала она его и похоронила, кажется, в его могиле всю свою способность любить. Вся жизнь ее изменилась с минуты его смерти. Крутой и непреклонный ее нрав, смягченный влиянием отца, высказался, только что его не стало, и, не встречая уже никаких преград, стал развиваться все более и более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.